

Х. Арендт

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Лекция десятая¹

Мы говорили о столкновении между зрителем и актером. Представленный, по сути, на зрительский суд спектакль есть история как единое целое, а главным героем этого зрелища является человечество, «ряд поколений», переходящий в некую «бесконечность». Процесс этот не имеет конца, «назначение рода человеческого — бесконечный прогресс». В этом процессе реализуются человеческие способности, достигают «высшего уровня», уровня, выше которого, в абсолютном смысле, ничего существовать не может. Конечное место назначения, в эсхатологическом смысле, не существует, однако есть две главные цели, руководящие, пусть и за спиной актеров, данным процессом: *свобода* — в том простом и элементарном смысле, что никто не имеет власти над ближними своими, — и *мир* между народами как условие единства человеческого рода. Бесконечный прогресс на пути свободы и мира, причем последний гарантирует свободное взаимодействие всех народов на земле, — идеи разума, без которых само изложение истории не будет иметь смысла. Это и есть то целое, что придает смысл отдельным деталям, если их видят и оценивают люди, наделенные разумом. Люди, хотя и являются природными существами и частью природы, превосходят природу силой разума, вопрошающего: какова цель природы? Произведя на свет вид, способный задаваться подобными вопросами, природа породила себе хозяина. Человеческий вид отличается от всех остальных видов животных не просто наличием речи и разума, а тем, что его способности могут неограниченно развиваться.

¹ Продолжение, начало см. в Кантовском сборнике 2009. 1(29). С. 122–128; 2009. 2(30). С. 126–132; 2010. 1(31). С. 112–117; 2010. 2(32). С. 109–113; 2010. 3(33). С. 113–119; 2010. 4(34). С. 80–86; 2011. 1(35). С. 98–103; 2011. 2(36). С. 90–94 и 2011. 3(37). С. 98–104.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy / edited and with an interpretative essay by R. Beiner. Chicago, 1982* — и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie / herausgegeben und mit einem Essay von R. Beiner; aus dem Amerikanischem von U. Ludz. München: R. Piper, 1985.*

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

До сих пор мы говорили о зрителе в единственном числе, как это часто делал сам Кант, и небезосновательно. Во-первых, по той простой причине, что один зритель способен наблюдать сразу нескольких актеров, которые вместе предлагают зрелище, разворачивающееся перед его глазами. Во-вторых, весь груз традиций, согласно которому созерцательный образ жизни предполагает отдаление от большинства, по сути, выделяя одного из общей массы, потому что созерцание — удел отшельника или по крайней мере может осуществляться в уединении. Вы помните, что в своем «мифе о пещере» Платон говорит о ее жителях, большинстве, видящем перед собой тени, как на экране: «С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков» [1, с. 295–298], а значит, они не могут обмениваться информацией друг с другом относительно увиденного. Полностью изолированной фигурой является не только философ, возвратившийся из света, озаряющего мир идей. Зрители, находящиеся в пещере, также отделены друг от друга. Деятельность, с другой стороны, невозможна в одиночестве или изоляции; одному человеку потребуется по крайней мере помощь других, чтобы довести до конца какое бы то ни было задуманное предприятие. Когда различия между двумя образами жизни, политическим (активным) и философским (созерцательным), истолковываются таким образом, чтобы сделать их взаимно исключаящими, как, например, в политической философии Платона, — налицо абсолютное различие между тем, кто *знает*, как сделать лучше, и остальными, которые под его руководством или следуя его указаниям будут осуществлять задуманное. Это суть «Политика» Платона: идеальный правитель (*arkhōn*) не совершает действий вовсе, это мудрый человек, который начинает и знает, когда предначертан конец действия, и, таким образом, является правителем. Следовательно, разглашать намерения с его стороны было бы совершенно излишним и даже вредным. Мы знаем, что для Канта, напротив, публичность — «трансцендентальный принцип», которому должны подчиняться все действия. Действие же, которое «нуждается в гласности», чтобы не действовать во вред собственным целям, — это, как вы помните, действие, связывающее политику и право друг с другом. Кант и Платон не могут иметь одинаковых представлений о действии и чистом суждении, или о созерцании, или о знании.

Если вы спросите себя, где и кто есть та общественность, которая первоначально придает гласность задуманному действию, то вполне очевидно, что в случае Канта это не может быть общественность в виде деятелей и лиц, задействованных в правительстве. Общественность, понимаемая им, — конечно же, читающая публика, и апеллирует он прежде всего к силе мнения этой публики, а не к весу ее избирательных голосов. В Пруссии последних десятилетий XVIII века, то есть в стране под властью абсолютного монарха, пользующегося советами просвещенной бюрократии в лице государственных служащих, которые, как и монарх, были полностью отделены от «подданных», не могло быть по-настоящему публичной сферы, кроме этой читающей и пишущей публики. Что было тайным и недостижимым по определению, так это именно сфера власти и управления. И если прочитать работы, цитаты из которых я привожу здесь, должно быть понятно,

что Кант мог представить себе действие только как действия власть имущих (какими бы они в итоге ни оказались), одним словом, правительственные акты; любые фактические действия со стороны субъектов могут состоять только в заговорщической деятельности, актах и заговорах тайных обществ. Другими словами, альтернативой официальному правительству для него является не революция, а *coup d'état*². И *coup d'état*, в противоположность революции, действительно, должен быть подготовлен втайне, в то время как революционные группы или партии всегда стремились выносить свои цели на публику, ставя своей целью сплотить влиятельные слои населения во имя своего дела. Привела ли когда-либо данная стратегия к революции — другой вопрос. Но важно понимать, что осуждение Кантом революционного действия основано на неверном толковании, поскольку он представляет себе его как *coup d'état*.

Мы привыкли думать о разнице между созерцанием и действием в категориях соотношения между теорией и практикой, и, хотя верно, что по этому вопросу Кант высказывался в своей работе «О поговорке: может быть, это верно в теории, но не годится для практики», очевидно и то, что он понимает этот вопрос не так, как понимаем его мы. Кантовское понятие практики определяется практическим разумом. И «Критика практического разума», которая не занимается ни поиском решения, ни действием, поясняет это в полной мере. Суждение, вытекающее из «созерцательного удовольствия» и «бездейтельного удовольствия», не находит в ней места [4, с. 232]. В практических вопросах не суждение, а воля является решающим фактором, и эта воля просто следует максиме разума. Даже в «Критике чистого разума» Кант начинает обсуждение чистого применения разума с его *практических* следствий, хотя затем он временно оставляет в стороне практические, т. е. моральные идеи, чтобы рассматривать разум только в его спекулятивном применении [3, с. 582]. Это умозрительное рассуждение касается конечного назначения человека, конечного из «самых возвышенных вопросов» [3, с. 620—621]. Практическое у Канта означает моральное, и это касается определения лица как индивида. Его истинной противоположностью будет не теория, а спекуляция — спекулятивное применение разума. Подлинной теорией Канта в политических делах была теория вечного прогресса и федерального союза народов с целью предоставить *идею* человечества политическую реальность. Всякий, кто работал в этом направлении, получал поддержку. Но эти идеи, с помощью которых он размышлял о человеческих делах в целом, очень сильно отличаются от «отклика, граничащего с энтузиазмом», привлечшего зрителей французской революции и приведшего к «экзальтации незаинтересованной общественности», сочувственно взирающей на происходящее «без малейшего намерения оказать помощь». По его мнению, именно подобное «сопереживание» сделало революцию «феноменом... который не стоит забывать», или, другими словами, общественным событием всемирно-исторического значения. Таким образом, не активные участники формируют собой относящуюся к данному событию публичную сферу, а аплодирующие зрители.

Так как Кант не изложил в письменной форме свою политическую философию, лучший способ узнать, что он думал по этому поводу, — обра-

² Государственный переворот (фр.). — *Примеч. пер.*

титься к его «Критике эстетической способности суждения», где при обсуждении создания произведений искусства в их отношении к вкусу, который о них судит и решает, он сталкивается с аналогичной проблемой.

Мы, по причинам, вдаваться в которые не стоит, — склоняемся к мысли, что для того, чтобы судить о спектакле, нужно вначале иметь этот спектакль — зритель занимает второстепенное положение по отношению к актеру; мы склонны забывать, что никто в здравом уме никогда не поставит спектакль, не будучи уверенным в том, что найдутся зрители, захотевшие его посмотреть. Кант убежден, что мир без человека станет пустыней, и мир без человека означает, по его мнению: мир без зрителей. В обсуждении эстетического суждения Кант проводит различие между гением и вкусом. Гений требуется для создания произведений искусства, в то время как для суждения о них, принятия решения относительно красоты тех или иных объектов, необходим «не более» (сказали бы мы, но не Кант), чем вкус. «Для суждения о прекрасных предметах как таковых требуется *вкус*... для создания подобных предметов требуется *гений*» [5, с. 152]. Гений, согласно Канту, — вопрос продуктивного воображения и оригинальности, вкус же есть лишь вопрос суждения. Кант поднимает вопрос, который из двух является «более благородным» — каково то *conditio sine qua non*³, «на которое нужно обратить внимание при суждении о прекрасном искусстве?» [5, с. 161] — если учесть, разумеется, что большинство ценителей красоты лишены способности к продуктивному воображению, которое называют гением, но существуют и те немногие, наделенные гением, но не лишённые также и вкуса. Ответ следующий:

«Богатство и оригинальность идей необходимы не столько для красоты, сколько для соответствия воображения в его свободе с закономерностью рассудка. Ибо все богатство воображения порождает в своей не подчиняющейся законам свободе только нелепость; напротив, способность суждения — это способность привести воображение в соответствие с рассудком.

Вкус, как и способность суждения вообще, есть дисциплина (воспитание) гения; она сильно подрезает ему крылья и делает его благонравным и изысканным; вместе с тем вкус осуществляет руководство над гением, указывая ему, на что и в какой степени он может распространяться, оставаясь целесообразным; внося ясность и порядок в полноту мыслей, вкус делает идеи устойчивыми, способными вызывать длительное и всеобщее одобрение, побуждать к деятельности других и постоянно развивать культуру. Поэтому, если при столкновении этих двух свойств в художественном произведении следует чем-либо пожертвовать, то это, скорее, должно относиться к гению» [5, с. 161].

Кант допускает подобную подчиненность гения вкусу, даже несмотря на то, что не будь гения, оценивать суждению было бы нечего. Однако философ прямо говорит, что «для прекрасного искусства... требуются *воображение, рассудок, дух и вкус*», добавляя при этом, что три предыдущие способности «вступают в разнообразные отношения под председательством четвертой» [5, с. 161], то есть по вкусу — значит по суждению. Более того, дух, особая возможность, отстоящая отдельно от разума, рассудка и вооб-

³ Необходимое условие, условие без которого нельзя обойтись (лат.). — *Примеч. пер.*

ражения — позволяет гению выразить идеи «таким образом, чтобы вызванная этим субъективная душевная настроенность... могла быть сообщена другим» [5, с. 158]. Иными словами, дух, то есть то, что вдохновляет гения, и только его, и то, «чему не может научить ни одна наука и у чего не может научиться ни одна промышленность», состоит в выражении «невыразимого элемента состояния души [Gemütszustand]», который под влиянием определенных образов пробуждается в каждом из нас, но для выражения которого у нас не хватает слов, и, следовательно, мы были бы неспособны общаться друг с другом без помощи гения; задача гения, без сомнения, состоит в том, чтобы сделать это состояние души «всеобщим сообщаемым» [5, с. 158]. Способностью, позволяющей обеспечить такую доступность, является вкус, причем ни вкус, ни суждение не представляют собой привилегию гения. Условием *sine qua non*⁴, необходимым для существования красивых объектов выступает доступность; суждение зрителя создает пространство, без которого появление подобных объектов просто невозможно. Публичная сфера состоит из критиков и зрителей, а не из актеров или создателей. И этот критик и зритель заложен в каждом актере и производителе; без этой способности к критике и суждению исполнитель или создатель стал бы настолько изолированным от зрителя, что его перестали бы даже воспринимать. Или, говоря другими словами и все же терминами Канта, та самая оригинальность художника (или та самая новизна актера) зависит от его способности сделать себя понятным для тех, кто не является художником (или актером). И в то время можно говорить о гении в единственном числе из-за его самобытности, но никогда нельзя говорить, как это некогда сделал Пифагор, в том же числе о зрителе. Зрители существуют только во множественном числе. Зритель не участвует в действии, но он всегда связан с другими зрителями, он не разделяет способности гения, самобытности с создателем или способности новизны с актером; способность, которой они обладают в равной степени, — способность к суждению.

Что же касается создания, то это понятие почти так же старо, как римская (в отличие от греческой) Античность. Мы находим первые упоминания об этом в труде Цицерона «Об ораторе»:

«Ведь все, как один, по какому-то безотчетному чутью, без всякого искусства или науки отличают верное от неверного и в искусствах, и в науках. И раз люди разбираются так и в картинах, и в статуях, и в других художественных произведениях, для понимания которых у них меньше природных данных, то тем более они способны судить о словах, ритме и произношении потому, что для этого во всех заложено внутреннее ощущение, и по воле природы никто этого чутья полностью не лишен» [6, с. 363].

И далее он продолжает говорить о том, насколько это поразительно и удивительно: «Удивительно, какая между мастером и неучем огромная разница в исполнении дела и какая малая — в суждении о деле» [6, с. 363].

Кант вполне в том же духе замечает в своей «Антропологии», что помешательство состоит в потере здравого смысла, позволяющего нам судить как зрителям. Его противоположность — *sensus privatus*, приватный смысл, который Кант также называет «логическим упрямством» [Eigensinn] [2,

⁴ Без которого нельзя обойтись (лат.). — *Примеч. пер.*

с. 145], подразумевая тем самым, что наша логическая способность, то есть способность, позволяющая сделать выводы из тех или иных предположений, действительно, может функционировать без процесса коммуникации, за исключением именно тех самых случаев, когда безумие приводило к потере здравого смысла, и результатом будет безумие именно потому, что оно отделено от опыта, который может быть действительным, и становится таковым только в присутствии других людей.

Самым удивительным аспектом этого дела является то, что здравый смысл, способность к суждению и определению различий между верным и неверным, должны быть основаны на чувстве вкуса. Из наших пяти чувств три четко дают нам представление об объектах внешнего мира и, следовательно, могут быть легко переданы другим. Зрение, слух и осязание имеют дело непосредственно с объектами, так сказать, представляют объекты «объективно», и через эти чувства они могут быть идентифицированы и ими можно поделиться с другими — путем слов, обсуждения и т. д. Обоняние же и вкус дают внутренние ощущения, полностью частные и непередаваемые, ибо вкус и запах, который я чувствую, не может быть выражен в словах вообще. Их, возможно, по определению стоит отнести к категории частных чувств. Кроме того, эти три объективных чувства объединяет нечто общее: *репрезентация*, то есть способность представлять то, что отсутствует. Я могу, например, вспомнить какое-либо здание, мелодию, прикосновение бархата. Эта способность, которая у Канта называется воображением, — не обладает ни вкусом, ни запахом. С другой стороны, данные чувства четко отделены друг от друга: можно воздержаться от суждения об увиденном и, хотя это и сложнее, от суждения об услышанном или о том, к чему прикоснулся. Однако в вопросах вкуса и запаха чувство удовольствия/неудовольствия будет немедленным и подавляющим. И симпатия, и антипатия, опять же, имеют абсолютно идиосинкразическую природу. Почему же вкус был выделен даже не в эпоху Канта, а еще во времена Грасиана — став носителем умственной способности суждения? А суждение, в свою очередь, — не то суждение, выполняющее исключительно познавательную функцию и принадлежащее чувствам, дающим нам познание объектов, общих для нас как для всех живых существ, которые имеют схожий чувственный аппарат, но суждение о верном и неверном — почему оно должно быть основано на приватном смысле? Не правда ли, что когда речь заходит о вопросах вкуса, мы так мало в состоянии сообщить, что не можем даже спорить о них? **De gustibus non disputandum est**⁵.

Решение этой загадки в следующем: воображение. Воображение, способность представить отсутствующее в данный момент, преобразует предметы объективных чувств в «ощущаемые» объекты, как если бы они были объектами внутреннего чувства. Это происходит за счет отражения не на объект, а на его репрезентацию. Представленный объект сейчас вызывает симпатию или антипатию, а не его непосредственное восприятие. Кант называет это «операцией рефлексии» [5, с. 134].

Перевод с англ. А. Н. Саликова

⁵ О вкусах не спорят (лат.). — Примеч. пер.

Список литературы

1. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1994. Т. 3.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 7.
3. Кант И. Критика чистого разума // Там же. Т. 3.
4. Кант И. Метафизика нравов // Там же. Т. 6.
5. Кант И. Критика способности суждения // Там же. Т. 5.
6. Цицерон М. Т. Об ораторе. Книга третья // Эстетика: Трактаты, Речи. Письма. М., 1994.

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич – канд. филос. наук, зам. директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr Alexei Salikov, deputy director, Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, salikov123@mail.ru